

БАТЫЕВО НАШЕСТВИЕ В ОТОБРАЖЕНИИ ФРАНЦУЗСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

Е.Н. Луняк

*Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя
Нежин, Украина
lunyak@ua.fm*

Цель исследования: рассмотреть проблему отображения монголо-татарского нашествия под предводительством хана Батые в Европу (1237–1242) в произведениях французских средневековых авторов XIII–XVI вв.

Материалы исследования: опубликованные источники на латинском, французском и русском языках (произведения Иоанна де Плано Карпини, Альберика де Труафонтен, Матвея [Мэтью] Парижского, Андрэ Тэвэ, Бенуа Риго и Блеза де Виженер).

Результаты и научная новизна исследования: рассмотрена эволюция взглядов французских средневековых авторов на проблему монголо-татарского вторжения в Европу от появления первых сведений об этих завоевателях (Альберик де Труафонтен, Матвей Парижский) до становления научного подхода к изучению этого вопроса в историописании XVI в. Изучены пути проникновения в средневековую Францию сведений о монголо-татарском нашествии в страны Восточной Европы (особое внимание при этом обращено на дипломатическую миссию Иоанна де Плано Карпини [1245–1247] в Монгольскую империю и участие архиепископа из Руси Петра Акеровича в Лионском соборе [1245]). Отмечена важность монгольского вопроса для политики Французского королевства середины XIII в. Проанализированы попытки правительства Людовика IX Святого наладить контакты с монгольскими ханами. Сделан вывод, что в последующее время свидетельством разрушительного характера татарского владычества на русских землях стал значительный приток невольников из Руси в портовые города Южной Франции, отмеченный в XIV–XV вв. Особое внимание уделено становлению научного подхода во французской исторической мысли XVI в., когда такие исследователи, как Андрэ Тэвэ, Бенуа Риго и Блез де Виженер, на основе критического анализа источников пытались воссоздать картины монголо-татарского вторжения в Европу в середине XIII в., заложив тем самым основы для развития историографии этого вопроса во Франции.

Ключевые слова: хан Батый, монголо-татары, Русь, Европа, Франция, средневековые авторы

Для цитирования: Луняк Е.Н. Батыево нашествие в отображении французских средневековых авторов // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, №. 1. С. 28–42. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.28-42

**BATU KHAN'S INVASION IN THE IMAGINATION
OF FRENCH MEDIEVAL AUTHORS*****Ye.M. Luniak****Nizhyn Gogol State University
Nizhyn, Ukraine
lunyak@ua.fm*

Abstract: Objective: A consideration of the problem of imagining the Mongol-Tatar invasion of Europe (1237–1242) led by Batu Khan in the works of French medieval authors from the thirteenth to the sixteenth centuries.

Research materials: Edited sources in Latin, French, and Russian, including works by Giovanni di Pian di Carpine, Alberic de Trois-Fontaines, Matthaëus Parisiensis (Matthew Paris), André Thevet, Benoit Rigaud, and Blaise de Vigenère.

Results and novelty of the research: The author considers the evolution of the views of French medieval authors on the problem of the Mongol-Tatar invasion of Europe from the appearance of the first information about the conquerors (Alberic de Trois-Fontaines, Matthaëus Parisiensis) to the formation of a scholarly approach to the study of this issue in the research of historians of the sixteenth century. In particular, the author deals with the ways that information about the Mongol-Tatar invasion of the countries of Eastern Europe penetrated into medieval France. Special attention has been paid to the diplomatic mission of Giovanni di Pian di Carpine (1245–1247) to the Mongol Empire and the participation of the archbishop of Rus', Petro Akerovich, in the First Council of Lyon (1245). The importance of the Mongol issue for the policy of the French Kingdom in the middle of the thirteenth century is noted too. The attempts of the government of Louis IX to establish contacts with the Mongol Khans are analyzed as well. It is concluded that in subsequent times, a significant influx of slaves from Rus' into the port cities of Southern France, noted in the fourteenth and fifteenth centuries, might be seen as evidence of the destructive nature of Mongol domination on the Rus'ian lands. Particular attention has been paid to the formation of a scholarly approach in French historical thought of the sixteenth century, when researchers such as André Thevet, Benoit Rigaud, and Blaise de Vigenère tried to recreate the picture of the Mongol-Tatar invasion of Europe in the middle of the thirteenth century based on a critical analysis of the sources, thereby laying the basis for the development of this topic's historiography in France.

Keywords: Batu Khan, Mongols and Tatars, Rus', Europe, France, medieval authors

For citation: Luniak Ye.M. Batu Khan's Invasion in the Imagination of French Medieval Authors. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 28–42. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.28-42

В 1240 г. под натиском монголо-татар пала столица Руси Киев. Восточные завоеватели продолжили свой поход на запад, опустошив в следующем году земли Галицко-Волынского княжества, сделав вторжение в соседние с Русью страны и причинив существенное разорение Польше, Венгрии, Чехии, Хорватии. Передовые отряды монголо-татар показали на рубежах Германии, вызвав сильный переполох и панику в Западной Европе, где армия татар ассоциировалась с порождениями преисподней. Собственно говоря, на инфернальную привязку указывало и само понятие «тартары (*Tartares*)», которое закрепилось за пришельцами с востока в европейских языках. Только в

XX в. название татар во Франции получило современный вид, утратив одну букву – *les Tatares*.

Разгром ордами Батые польско-немецкого войска князя Генриха Благочестивого в битве под Легницей 9 апреля 1241 г., а также многочисленных сил венгерского короля Белы IV и его брата хорватского герцога Коломана на реке Шайо в районе долины Мохи 11 апреля 1241 г. только способствовал возрастанию панических, если не апокалиптических, настроений в Европе.

Император Священной Римской империи Фридрих II Гогенштауфен ввиду огромной опасности полного разгрома христианского мира завоевателями из Азии был вынужден обратиться к правителям европейских стран и своим подданным с тревожным посланием: «Время пробудиться от сна, открыть глаза духовные и телесные. Уже секира лежит при дереве, и по всему свету разносится весть о враге, который грозит гибелью целому христианству. Уже давно мы слышали о нем, но считали опасность отдаленною, когда между ним и нами находилось столько храбрых народов и князей. Но теперь, когда одни из этих князей погибли, а другие обращены в рабство, теперь пришла наша очередь стать оплотом христианству против свирепого неприятеля» [8, с. 141].

В этом послании Фридрих II указывал своим вассалам, что им надлежит уклоняться от прямых столкновений с сильными и многочисленными отрядами монголо-татар, но в то же время укреплять города, замки и другие оборонительные сооружения, так как захватчики пытаются избегать ведения длительных штурмовых и осадных мероприятий возле хорошо укрепленных мест [14, р. 66–67, 71].

Император Священной Римской империи Фридрих II хорошо осознавал необходимость таких приготовлений, так как ещё в 1238 г., когда войска Батые находились очень далеко от его владений, он получил от него дерзкое письмо с требованием признать его верховенство и тем сохранить свою власть. О содержании этого письма сообщал известный французский хронист Альберик де Труафонтен: «Татарский король императору Фридриху написал требование, чтобы тот позаботился себе выбрать какую-нибудь должность при его дворе и своей землей управлял бы и дальше. На что император, говорят, ответил, что раз он разбирается в птицах, то смог бы быть хорошим сокольничим (*Rex Tartarorum imperatori Frederico scripsit mandans, ut sibi in hoc consuleret, quatinus officium aliquod in sua curia eligeret et de se terram teneret. Ad quod imperator respondisse fertur, quod satis scit de avibus et bene erit falconarius*)» [9, с. 399; 10, р. 943].

Однако, если в 1238 г. император мог позволить себе отшутиться, получив послание от Батые, то в 1241 г. ему было уже не до шуток. Татарская армия уже стояла на границах Германии. Против них срочно была собрана армия под предводительством принца Конрада Гогенштауфена, сына императора, преследовавшая цель не допустить вторжения монголо-татар в Германию.

Слухи об их дикости, жестокости и многочисленности просто поражали воображение тогдашнего западноевропейского обывателя. В «Великой хронике» написанной современником событий, английским хронистом Матвеем (Мэтью) Парижским, в которой рассказывается о походе монголо-татар в Европу, содержится красноречивая миниатюра, показывающая, как степные воины расчленяют, поджаривают на вертеле и едят взятых в плен врагов (рис. 1).

Рис. 1. Миниатюра из «Великой хроники» английского хрониста Матвея (Мэтью) Парижского, показывающая зверства монголо-татар над побежденными врагами

Fig. 1. Miniature from the “Greater Chronicle” by the English chronicler Matthew Paris showing the atrocities of the Mongol-Tatars over the defeated enemies

Также в «Великой хронике» Матвея Парижского содержится весьма любопытное свидетельство, датированное около 1239 г., от некоего венгерского епископа о монголо-татарах, вторгшихся на Русь. Анонимный венгерский епископ прочно ассоциирует завоевателей с многолюдными варварскими библейскими народами Гог и Магог, вырвавшимся из многовекового заточения и несущими в Европу войну и опустошение: «...Они едят жаб, собак, змей и все, без различия. Я спросил, каким образом они вышли из-за гор, за которыми они находились. Они сказали, что их войско растягивается на двадцать дней пути в длину и ширину; двенадцать тысяч людей постоянно надзирают, верхом на лошадях, за войском. Лошади у них хорошие, но глупые. Они следуют за ними в большом количестве без наездника; так, что когда один из них едет на лошади, за ним следует 20 или 30 лошадей. Их кольчуги сделаны из кожи, и они прочнее сделанных из железа; как и то, чем они покрывают лошадей. Пешими они ничего не способны делать, поскольку голени у них короткие, а туловище длинное. Они стреляют из лука лучше, чем венгры и куманы, и у них более мощные жилы. Каким бы образом они не напали на землю, убивают всех жителей этой земли, за исключением маленьких детей; которым Зингитон (*Zingiton*) [имеется в виду Чингизхан – *Е.Л.*], господин их, имя которого переводится как царь царей, выжигает на их лице свое клеймо. И есть сорок два советника, которым Зингитон вверил свою печать. Никто из его войска не осмеливается говорить громко, и никто из всего войска не осмеливается спросить, куда идет наш господин или что он намеревается сделать? Они пьют молоко лошадей и сильно от него пьянеют. Мы не можем узнать ничего нового о них, что было бы достоверным; поскольку им предшествует некий народ, называемый морданами (*Mordani*) [очевидно, речь здесь идёт о вспомогательных отрядах, набранных из мордовских племен Поволжья – *Е.Л.*], которые убивают всех, без различия. И никто из них не смеет надеть обуви на свои ноги прежде, чем не убьет человека... Несомненно, они опустошили все земли и разрушили все, что им встретилось на пути...» [9, с. 402–405].

Подобное описание монголо-татарских воинов (*Tartari*) можно увидеть и в хронике вышеупомянутого Альберика де Труафонтен, свидетельствующего об их вторжении в Венгрию: «Их внешний вид, согласно свидетельству тех, кто их видел воочию, является следующим: голова у них пухлая и шея короткая; грудь – сильно выпуклая; руки – очень толстые; ноги – маленькие и толстые. Их сила изумительна. Они не ведают сострадания и никого не боятся, у них нет веры, и они никому не поклоняются, кроме своего царя, который зовется царем царей и владыкой владык» [9, с. 409–411].

Стоит отметить, что тот же Альберик де Труафонтен на страницах своей хроники, повествуя о начале 1220-х гг., когда осуществлялся Пятый крестовый поход, отражал иное представление о монголо-татарах, связывая их с подданными восточного христианского царя Давида, намеревающимися, согласно пророчествам того времени, помочь западным христианам в войне с мусульманами на Ближнем Востоке [9, с. 120–123].

Конечно же, все подобные ожидания разрушились после лучшего знакомства европейцев с этими азиатскими завоевателями, которые стремительно продвигались на запад, покоряя одну страну за другой.

Монголо-татар отныне в Европе отождествляли с библейскими народами Гог и Магог, пришествие которых должно было ознаменовать начало конца света.

Естественно, общеевропейская тревога распространялась и на территорию Французского королевства. Молодой Людовик IX, канонизированный впоследствии как святой, получал одно за другим угрожающие известия о приближении грозных завоевателей к странам Западной Европы. Свидетельством большой встревоженности во Франции является письмо магистра Ордена тамплиеров в этой стране Понса д'Альбона (*Pons d'Albon*)¹ к Людовику IX, в котором предводитель французских тамплиеров призывает короля подготовиться к отражению нашествия монголо-татар. Понс д'Альбон извещает монарха о гибели польского князя Генриха и большом разорении этой страны: «Они опустошили землю князя Генриха II Силезского и убили его вместе с множеством баронов и шестью нашими братьями, а также тремя шевалье, двумя сержантами и пятью сотнями наших людей; и лишь трое из наших братьев, которых мы знаем хорошо, смогли избежать этой участи... Они разрушили две лучших наших башни и три города, которые мы имели в Польше, а также было разрушено всё, что мы имели в Богемии и Моравии...» [4, с. 194; 13, р. 253; 17].

Далее Понс д'Альбон уведомлял короля, что магистр Венгрии Рэмбо де Каромб (*Raimbaud de Caromb*) говорит об объединении всех христиан в этой стране против захватчиков и взывает о помощи. Руководитель французских тамплиеров предупреждал Людовика IX, что в случае поражения христианских правителей в Центральной Европе дорога на Францию для этих завоевателей будет открыта [4, с. 194; 13, р. 253; 17].

Неудержимое продвижение монголо-татарского войска в Центральной Европе шокировало французских современников. Об этом свидетельствует

---

¹ В латинских документах той эпохи он упоминается, как «брат Понтий де Альбон, домов войска Храма во Франции управитель (*Frater Pontius de Albon, domorum milicie Templi in Francia preceptor*)», хотя встречаются и другие варианты написания его имени: Понтиус де Обон (*Pontius de Aubon*), Понтиус де Амбон (*Pontius de Ambon*) [см.: 17].

текст приписки «О татарском вторжении (*De invasione Tartarorum*)» в одной из французских хроник того времени, где под 1241 годом сообщается о разорении и опустошении после нашествия на Польшу земель Венгерского королевства. Неизвестный хронист при этом горестно отмечает: «Земля, которая называется Семиградье, полностью опустошена и разрушена (*Terra que Septem-castra dicitur totaliter vastata et destructa est*)» [11, р. 599]. Как известно, Семиградье – это одно из средневековых названий региона, чаще именуемого Трансильванией. Далее автор свидетельствует о продвижении восточных завоевателей через земли Моравии (*Marovia*) и Венгрии (*Ungaria*) к укрепленным немецким городам на венгерской территории и о тщетных попытках местных жителей остановить это вторжение. Особенно хронист отмечает горестную судьбу Польши: «Насколько обезлюдившей пребывает вся провинция Польши. Ее жители перебиты мечом, города разрушены, священники скитаются, девы ее умерщвлены, а сама земля подавлена горечью (*Quomodo manet tota Polonie provincial desolata populo! Cuius incole occisi gladio, civitates destructe sunt, sacerdotes vagantes, virgins eius extincte, et ipsa terra oppressa amaritudine*)» [12, р. 599]. Здесь же хронист упоминает слухи, возможно безосновательные, о вероломстве «одного из королей или главнейших людей (*unus ex regibus vel principibus perfidorum*)» Венгрии, имея в виду половецкого хана Котяна, который, как известно, был убит в Пеште накануне монголо-татарского вторжения венгерской знатью, опасавшейся, что он может переметнуться к Батыю.

Матвей Парижский упоминал в своей хронике три больших части монголо-татар. Одна из них, по его словам, прошла через Польшу, другая – опустошила окраины Богемии, а третья – принесла разорение в Венгрию [11, р. 108].

И хотя непосредственная опасность для Франции миновала, когда в 1242 г. Батый принял решение об отводе своих войск на Восток в низовья Волги, общее впечатление на западе о разгроме, учинённом монголами в Восточной Европе, на многие десятилетия оставалось очень сильным. Ужасы Батыевого нашествия вполне могли повториться.

Римский папа Иннокентий IV, получивший тиару в 1243 г., должен был постоянно учитывать монгольский фактор в своей политике. Вопрос о противодействии монголо-татарам, в решении которого наиболее были заинтересованы восточноевропейские правители и церковные иерархи, был поднят на Первом Лионском соборе, проходившем с 26 июня по 17 июля 1245 г. И хотя основной причиной проведения собора стала политическая конфронтация между папой и императором Фридрихом II, нашествие орд Батыя и разорение Восточной Европы оставалось на нём одной из главных тем.

Еще до начала собора в Лионе Иннокентий IV принял решение об отправке к монгольским правителям нескольких дипломатических миссий, целью которых было проведение разведывательной деятельности, а также возможное обращение монгольской знати, и прежде всего великого хана, в христианство. Эти посольства должны были совершить свои путешествия разными путями. В 1245 г. к монгольским властителям были отправлены посольства Асцелина Ломбардского и Симона де Сен-Кантен, Андрэ де Лонжюмо, Лоренцо Португальского, Иоанна де Плано Карпини. В отечественной литературе наиболее известной является именно миссия последнего [7]. В

1245–1247 гг. Иоанна де Плано Карпини в сопровождении Бенедикта Поляка посетил хана Батыея и ставку великого хана Гуюка неподалеку от столицы монгольской империи Каракорума. Путь миссионеров при этом в обе стороны проходил через земли Руси [22, р. 346]. Поэтому они собственными глазами видели опустошение страны, принеся эту информацию на запад.

В контексте монгольской угрозы для Европы следует вспомнить про участие в Лионском соборе Петра, архиепископа из Руси, которого традиционно в научной литературе именуют Петром Акеровичем. Вполне логичной выглядит версия, высказанная украинским историком Иваном Васильевичем Паславским, что загадочная миссия Петра Акеровича во французский Лион могла осуществиться в фарватере антимонгольской политики князя Даниила Галицкого, направленной на поиск союзников в Европе и организацию крестового похода против монголов [6]. Вне всякого сомнения, визит Петра Акеровича во Францию преследовал цель убедить западных монархов и католическую церковь в том, что монгольская угроза для Европы продолжает сохраняться и, используя ужасающие картины разорения Руси войсками Батыея, склонить европейских правителей к совместному выступлению против монголо-татар.

Об участии в Лионском соборе архиепископа Петра из Руси писал в то самое время вышеупомянутый английский хронист Матвей Парижский, в труде которого ярко были показаны злодеяния монголо-татар в Европе. Именно архиепископ Петр подробно и красочно рассказывал католическим иерархам о разорении своей страны, из-за чего ему самому пришлось покинуть родные края [1; 6].

Понимая, что монголы представляют собой огромную милитарную силу, Людовик IX сделал попытку привлечь их на свою сторону в проведении ближневосточной политики. В 1253 г. он отправил посольство Гийома де Рубрук в ставку Батыея для проведения переговоров о возможном союзе. Правда, Батый отказался вести переговоры с посланником французского монарха, отправив его дальше на восток в Каракорум к великому хану Менгу (иначе Мунке). Тот передал через Гийома де Рубрук послание для французского короля, требуя от него полной покорности. В 1255 г. Гийом де Рубрук вернулся в свой монастырь [7].

В плане ознакомления французского средневекового интеллектуального сообщества с событиями Батыевого нашествия весьма интересным представляется такой источник, как «Цветник историй земель Востока (*La Flor des Estoires de la Terre d'Orient*)» армянского монаха и дипломата Гетума (Хетума) Патмича (по-армянски Հէթումի Պատմիչ), записанный в 1307 г. на старофранцузском языке в Пуатье Николасом Фальконом де Туль для римского папы Климента V и вскоре переведенный на латынь («*Flos Historiarum Terre Orientis*»). Гетум из Корикоса более известен на западе как Хайтон (*Haytonus dominus de Corycus*), или Хайтон-историк (*Hayton l'historien*). Последнее является дословным переводом армянского прозвища автора – Патмич – по-армянски «историк». Гетум был представителем королевской династии из Киликийской Армении. В 1306–1308 гг. он пребывал при папском дворе в Пуатье, очевидно, с целью склонения Климента V к организации крестового похода в поддержку ближневосточных христиан. Стоит отметить, что в произведении Гетума Патмича в повествовании о королевстве

Комании (*le royaume de Comaine*) чувствуется определенное заимствование из описания путешествия Гийома де Рубрук. Последний, возвращаясь в 1255 г. из Монголии, проезжал через Киликию и побывал в Корикосе. Вполне вероятно, что юный Гетум Патмич мог тогда лично познакомиться с этим путешественником.

Походу в Европу Батыя, которого автор называет Бато, Гетум Патмич посвятил XIV главу своего повествования. Этот короткий рассказ является достаточно оригинальным, но в то же время крайне неточным и не очень информативным. В изложении Гетума Патмича Батый, которого тот называет «вторым сыном Октоты-хана (*Batho, le secunt filz Octota Can*)», очевидно, имея в виду под этим именем великого монгольского хана Угэдэя (Огодая), после покорения Комании/Кумании, то есть земель куманов (кипчаков/половцев) и изгнания тех в Унгарию/Венгрию, захватил Руссию, Газер (Хазарию) и Бугрию (Волжскую Булгарию), после чего двинулся в поход на германские владения. Во время вторжения в Австрийское герцогство, дорога вглубь которого вела через большую реку, Батый попытался переправиться со своим войском через ее бурное течение. Это безрассудное решение стоило жизни ему и значительной части его воинов. После того, как Батый утонул, оставшиеся воины решили не продолжать поход на Австрию, а вернуться на ранее покоренные земли. Известие об утоплении Батыя в книге Гетума Патмича повторяется дважды [16, р. 115, 161–162]. Эти утверждения автора выглядят тем удивительнее, принимая во внимание тот факт, что армянский историк, как современник и человек осведомленный в политике того времени, мог бы знать, что Батый благополучно вернулся из западного похода на берега Волги, где заложил основы могущественного государства – Золотой Орды, куда в 1254–1255 гг. совершил поездку его дядя Гетум I, правитель Киликийской Армении. Гетум I лично встречался с Батыем, о чём, без упоминания имени Батыя, свидетельствовал и сам Гетум Патмич при дворе римского папы Климента V [3, с. 124].

К сожалению, более конкретных сведений о походе Батыя на запад в этом произведении не имеется.

В полном виде эта глава выглядит так.

О Бато, втором сыне Октоты-хана

Бато, второй сын Октоты-хана, со своим народом, который его отец ему вверил, направился верхом в северные страны и достиг королевства Комании. Король Комании, выступил, чтобы защитить свою землю, собрал войско и вступил в битву с тартарами, но в конце концов те разбили команов и погнали команов до Унгарского королевства, и там еще до сегодняшнего дня есть многие команы, проживающие в Унгарии. После того, как Бато изгнал команов за пределы королевства Комании, он вошел в королевство Руссия и захватил его, он завоевал землю Газер и королевство Бугрию. Потом двинулся на конях он на королевство Унгарию, где нашёл остальных команов и захватил их. После этого тартары направились к Германии, пока не достигли берега реки, отделявшей их от Австрийского герцогства. Тартары намеревались переправиться по мосту, который там был, но австрийский герцог приказал оборонять этот мост, и поэтому тартары не смогли

продвинуться дальше. Когда Бато увидел, что не может он переправиться по мосту, то бросился в реку и приказал своим людям, чтобы они переправлялись вплавь, подвергая смертельной опасности себя и своих людей. Поскольку перед тем, как он начал переправу, его лошадь была уже так изнурена от стольких трудов, что не могла двигаться больше, Бато утонул, так же как и большая часть его людей, в этой реке, прежде чем смогли они выйти на другой ее берег. Когда тартары, еще не вошедшие в реку, увидели гибель в воде своего повелителя Бато и своих товарищей, то, страдая и печальясь, вернулись они в королевства Руссию и Команию, и никогда после уже не входили тартары в Германию. Наследники вышеупомянутого Бато получили во владение королевство Коразм [имеется в виду Хорезм – Е. Л.], королевство Куманию и королевство Руссию, а тот, кто является повелителем ныне, зовется Тохтай и является вторым сыном Октоты-хана.

Старофранцузский оригинал

Batho, le secunt filz Octota Can, avec sa gent que son pere li ot donée, chevaucha vers les parties de septentrion, tan qu'il vint au roiaume de Comaine. Le roi de Comaine, quidant bien defendre sa terre, si assembla son ost e combati à les Tartars, mès à la fin furent desconfis les Comains, e fuierent les Comains jusques au roiaume de Ungarie; e encores jusques au jour d'ui sont mains Comains habitans en Ungarie. Après ce que Batho ot chasciés les Comains hors du roiaume de Comaine, il entra au roiaume de Roussie, e le prist, e conquist ta terre de Gazere e le règne de Bugrie. Après chevaucha jusques au regne de Unguerie, e iluec trova alguns Comains e les prist. Après, les Tartars passerent vers Alamaigne, tant qu'il vindrent au rive d'un flum qui cort par le duché de Austriche. Les Tartars quiderent passer par un pont qui là estoit, mès le duc d'Austriche fist le pont garnir, e ainsi ne porent les Tartars passer outre. Quant Batho vist que il ne porent passer par le pont, il se mist dedeins le flum, e comanda à sa gent que il passassent noant; dont il mist en peril de mort soi e ses gens. Car avant qu'il peüst passer, son cheval fu tant travaillé qu'il ne pout plus, e fu noiez Batho, e grant partie de ses genz, dedeins le flum, avant que poissent venir à l'autre rive. Quant les Tartars, qui encore n'estoient entrez en l'eive, virent leur seignor Batho e leur compaignies noier, dolens e tristes s'en retournerent au roiaume de Roussie e de Comaine, rie onques puis les Tartars n'entrerent en Alemaigne. Les heirs du dit Batho tienent la seignourie du roiaume de Corasme et du royaume de Cumanie et du royaume de Roussie, e celui qui est seignor ores est appelez Tocthay, e fu le secunt filz de Octota Can [16, p. 161–162].

Непосредственные контакты Франции с Русью в последующие десятилетия стали редки. Хотя, конечно, не прекращались совсем. Так, в 1413–1414 гг. на русских землях побывал фламандский рыцарь Жильбер де Ланнуа, советник и камергер герцога Бургундского Жана Бесстрашного, оставивший описание своих путешествий. Изредка оказывались выходцы из Руси и на территории Франции. Например, среди студентов средневековой Сорбонны в XIV–XVI вв. встречаются ученики «из Рутении» [5, с. 62–63]. Также безусловным фактом является прибытие на юг Франции в позднем Средневековье значительных групп невольников, набранных в качестве ясыря татарами на русских землях. Известный историк Иван Васильевич Лучицкий в своем исследовании

довании «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.» (1886) на основании внушительного архивного материала, собранного во Франции и Испании, обнаружил большой приток невольников из Руси в эту французскую провинцию, расположенную между Пиренеями и Средиземным морем [2]. Приток рабов из Руси на юг Франции только подтверждал у западных обывателей мысль о безраздельном хозяйничании на землях когда-то цветущей державы потомков Чингизхана, создавая искажённое представление о Руси. Это мнение стойко держалось даже в XVI в., когда было уже, по сути, явным анахронизмом. Так, известный французский учёный и путешественник Андрэ Тэвэ (1516–1590), описывая Киев (правда, при этом не увидев его своими глазами), отмечал, что древняя столица Руси «лежит в руинах. Здесь можно увидеть среди кустов, зарослей и терна руины и осколки строений и дворцов, принадлежавшие когда-то королям и князьям, святых храмов и монастырей, урюмые останки которых еще проглядываются по окрестных холмах... Турок владеет теперь Киевом и всей покоренной страной, пытаясь увеличить свои владения» [20, р. 68–69]. Как видим, эти сообщения не очень точны, выглядят устаревшими для XVI в., а турецкое владычество над Киевом вообще не соответствует исторической правде.

Факт разорения Руси Батыем в середине XIII в. часто отмечался в следующие столетия французскими космографами и историками. В этой связи уместно будет вспомнить о Бенуа Риго, известном литераторе и издателе второй половины XVI в. Из его типографии в Лионе вышло много книг. Большую известность Риго принес тот факт, что именно в его издательстве впервые увидела свет книга пророчеств знаменитого Нострадамуса (1503–1566). Изданные им «Мысли об истории поляков» по случаю восхождения на престол Речи Посполитой французского принца Генриха Валуа, содержат и события из русской истории, в том числе и о Батыевом нашествии.

Упомянув разорение Руси, автор основной акцент переносит на события в Польше во время монголо-татарского вторжения в эту страну в 1241 г., где завоеватели нанесли тяжелое поражение полякам в битве под Легницей. Стремясь посеять панику среди тех, один из восточных воинов кричал по-польски «*bigaice!*» (т. е. «убегайте!») [19, р. 26]. Здесь уместно отметить, что эти живописные детали сражения являются очевидным заимствованием фактов из популярной в то время на западе хроники Яна Длугоша [15, s. 262–264].

Постоянное подчеркивание татарской угрозы для южнорусских владений польских королей позволяло Риго возвеличить французского принца, ставшего на защиту христианского мира на востоке Европы.

Еще более детально на вторжении монголо-татар в Восточную Европу во времена Батыя остановился Блез де Виженер (1523–1596) в труде «Хроники и анналы Польши». Его, безусловно, можно отнести к плеяде наиболее ярких личностей при французском королевском дворе второй половины XVI в. Он был известен не только как блестящий эрудит, талантливый историограф и писатель, но и как известный дипломат и криптограф, автор так называемого «шифра Виженера», который оставался неразгаданным до середины XIX в. и использовался для засекречивания важных сообщений тайными службами всех европейских стран.

Как видно из предисловия к «Хроникам и анналам Польши», датированного 20 августа 1573 г. и адресованного «величайшему, могущественному, прекрасному и непобедимому принцу Генриху, сыну и брату короля», Блез де Виженер

имел целью ознакомить новоизбранного короля Речи Посполитой с историей его будущих подданных. Свое произведение, как подчеркивал сам автор, он написал на «родном языке» короля, так как Генрих плохо владел латынью. Работа Блез де Виженер представляет собой компиляцию из латиноязычных хроник, написанных преимущественно польскими авторами. За основу им была взята известная работа Мартина Кромера (1512–1589) «О происхождении и деяниях поляков (*De origine et rebus gestis Polonorum*)», о чем сам он говорил в предисловии [21, Epistre]. Этот трактат был издан в Базеле в 1555 г. и, безусловно, имел распространение во Франции. Также Блез де Виженер использовал материалы из «Истории королей и князей Польши (*Histoire des roys et princes de Poloigne*)» Яна Гербурга из Фульстина (1524–1577), публикация которой в Париже проходила при его непосредственном участии в 1573 г. В работе французского историографа также неоднократно встречаются ссылки и на хронику Яна Длугоша.

Поскольку Блез де Виженер позаимствовал общий тон польских хроник, Киевская Русь предстает в его изложении дикой страной, принявшей христианство в извращенной форме. Имея такого опасного и грубого соседа, Польша в течение нескольких столетий вынуждена была защищать цивилизованную Европу от варварства русичей, территория которых автором воспринималась, скорее как бунтующая и беспокойная провинция Польши, нежели независимое государство. Именно поэтому польские короли постоянно должны были умирять непокорные русские земли.

Довольно подробно Блез де Виженер останавливается на проблеме монголо-татарского нашествия, ставшего общей бедой Польши и Руси. По его мнению, завоеватели пришли из безлюдных степей Скифии, прогнав «половцев, которых сейчас называют готами, другие – гуннами [кунами] или куманами (*Polomiciens, que les modernes appellent Gots, les autres Chunes ou Cumans*)» [21, p. 149–159].

Автор тщательно перечисляет случаи многочисленных походов степных воинов на Русь и Польшу, красочно описывая ужасные картины опустошения и обезлюднения этих стран. Русские князья, в его трактовке, оказались абсолютно неспособными противостоять жестокому нашествию дикарских восточных орд. Очень скоро почти вся Русь подчинилась татарам, а русские князья даже начали принимать совместное с ними участие в походах на Польшу. Например, Даниил, король Руси (*Daniel roi de Russie*), пропустил через свою страну татар, которые шли грабить Польшу, а затем его дети Лев и Роман, вместе с Даниловым братом Василием, своим дядей, участвовали в новом походе ордынцев на запад. Также упоминается, как татары вместе с русичами ходили на Люблин и разграбили его окрестности [21, p. 181–183, 188–189, 196, 226–227, 232, 235, 270–271, 277, 316, 344, 378, 385, 416, 432–434, 441, 445–446, 452–453, 460, 473]. Таким образом, присоединение земель Галицкой Руси к польской короне в середине XIV в. в изложении Блеза де Виженер выглядело актом благородным, справедливым, логичным и даже гуманным по отношению к самим русичам. С одной стороны, короли Польши брали под свою защиту этих христиан, хотя и схизматиков, с другой стороны, польские властители таким образом могли обезопасить свои владения от разорительных набегов татар, к которым очень часто присоединялись и русские князья [21, p. 226–227, 232, 235].

Практически весь дальнейший ход событий в этом регионе, согласно Блезу де Виженер, был посвящен попыткам польских королей и литовских князей противостоять агрессии со стороны Орды. Грабительские походы татар Блез де Ви-

женер признает самой большой политической проблемой Литвы и Польши того времени [21, р. 270–271, 277, 316].

Естественно, страхи во Франции, возникшие в середине XIII в. в связи с приближением монголо-татар, спустя три столетия были напрочь забыты, хотя довольно ощутимой с середины XV в. в Европе стала турецкая угроза. Тревожные ожидания, связанные с ордами восточных завоевателей, продолжали возникать и в последующее время. В частности, очевидно, именно об этой угрозе предупреждает один из катренов знаменитого Нострадамуса. Это 54-й катрен из V центурии.

*Du pont Exine, & la grand Tartarie,
Vn Roy sera qui viendra voir la Gaule,
Transpercera Alane & l'Armenie,
Et dedans Bisance lairra sanglante gaule* [18, р. 68].

Из Понта Эвксинского и Великой Тартарии,
Придет король, чтобы увидеть Галлию,
Проткнет Алана и Армению,
И посреди Византии опустит кровавый батог.

Таким образом, основные события, связанные с Батыевым вторжением середины XIII в. в Европу, были известны в тогдашней Франции, вызвав тревогу и мистический страх в обществе, и нашли отражение в современных хрониках, в частности, в произведении одного из наиболее известных французских хронистов того времени Альберика де Труафонтен. Подчас восточные завоеватели представлялись западным обывателям в искаженном виде порождений преисподней, питающихся человеческой плотью и посланных Господом в наказание за грехи. Более детальную информацию об опустошении стран Восточной Европы, лежащих на пути монголо-татар, могли принести во Францию немногочисленные путешественники, выполнявшие дипломатические, религиозные, военные или торговые миссии в этот регион. Наиболее яркими фигурами в этом плане являются Иоанн де Плано Карпини и Гийом де Рубрук, оставившие подробные отчеты о своих поездках в Монгольскую империю, хорошо известные на западе. В то же время подробные сведения о разорении Киевской Руси могли привозить во Францию и несчастные эмиссары оттуда, подобные архиепископу Петру Акеровичу, принимавшему участие в Лионском соборе 1245 г. В последующее время одним из путей поступления во Францию сведений о разрушительном характере татарских набегов могли стать визиты на запад выходцев с русских и польских земель. Укреплению общего убеждения об упадке края в связи с походами татарских ханов, безусловно, способствовал и значительный приток русских невольников в портовые города Южной Франции, отмеченный в XIV–XV вв. Начиная с XVI в., во французском историописании намечается и научный интерес к проблеме монголо-татарского нашествия середины XIII в. Этой теме фрагментарно касались в своих трактатах, в частности, Андрэ Тэвэ, Бенуа Риго и Блез де Виженер. Именно эти исследователи, опираясь главным образом на свидетельства польских хронистов и историков, дали своеобразный толчок к становлению во Франции в дальнейшем научного подхода к изучению Батыевого нашествия в Европу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зоценко В.* Україна-Русь – Франція: першоджерела зближення // *Хроніка-2000*. Київ, 1995. Вип. 2–3: Україна-Франція. С. 42–57.
2. *Луцицкий И.В.* Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв. // *Университетские известия*. Киев, 1886. № 11. Ч. 2. С. 191–219.
3. *Майоров А.В.* К вопросу об исторической основе и источниках «Повести о убиении Батия» // *Средневековая Русь*. Вып. 11: Проблемы политической истории и источниковедения / Горский А.А. (ред.). М.: Индрик, 2014. С. 105–146.
4. *Мельвиль М.* История ордена Тамплиеров. СПб.: Евразия, 2000. 416 с.
5. *Наливайко Д.* Очима заходу: Рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. Київ: Основи, 1998. 578 с.
6. *Паславський І.* Галицький єпископ Петро – ставленник і дипломат Данила Романовича // *Український історичний журнал*. 2013. Вип. 5 (№ 512). С. 75–87.
7. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика / Шатиной Н.П. (ред.) М.: Государственное издательство географической литературы. 1957. 272 с.
8. *Соловьев С.М.* Сочинения, Книга II: История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. Тома 3–4. 765 с.
9. *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2015. 496 с.
10. *Chronica Albrici Monachi Trium Fontium* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum tomus 23: Chronica aevi suevici*. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925. viii + 1027 p.
11. *Decei A.* L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djāmi' ot-Tevārīkh de Fāzl ol-lāh Rāšīd od-Dīn // *Revue Roumaine d'Histoire*. 1973. T. XII. №1. P. 101–121.
12. De invasione Tartarorum fragmentum, lat. 10444 (fol. 86^v) // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum tomus 29*. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925. P. 599–600.
13. *Demurger A.* Les templiers: Une chevalerie chrétienne au Moyen Âge. Paris: Éditions du Seuil, 2005. 669 p.
14. *Jackson P.* The Mongols and the West: 1221–1410. London; New York: Routledge, 2005. 448 p.
15. Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Krakow: w drukarni «Czasu» W. Kirchmayera, 1868. T. II. Ks. 11, 12. 530 + xxiii s.
16. *Hayton.* La Flor des estoires d'Orient // *Recueil des Historiens des Croisades. Documents arméniens*. Paris: Imprimerie nationale, 1906. T. II. P. 113–363.
17. Liste des Maîtres de la province templière de France. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lesfilsdelavallee.fr/index.php/fr/province-de-france> (дата обращения 12.08.2019); Liste des maîtres de province de l'ordre du Temple [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_des_ma%C3%AAtres_de_province_de_l%27ordre_du_Temple (дата обращения 12.08.2019).
18. *Nostradamus.* Les Propheties de M. Michel Nostradamus, dont il y en a trois cens qui n'ont iamais esté imprimées. Lyon: Pour Jean Hvgvetan, Chez Claude de la Riuiere, 1644. 177 p.
19. *Rigaud B.* Discours sur l'histoire des polonais. Lyon: Par Benoist Rigaud, 1573. 80 p.
20. *Thevet A.* Cosmographie Moscovite, recueillie et publiée par le prince Augustin Galitzin. Paris: J. Techener, Libraire, 1858. xvi + 179 p.
21. *Vigenère B. de.* Les Chroniques et annales de Poloigne. Paris: J. Richer, 1573. 487 p.

22. *Zimonyi I. The Mongol Campaigns against Eastern Europe // Zimonyi I. Medieval Nomads in Eastern Europe. Collected Studies / Spinei V. (ed.). Bucuresti; Braila, 2014. P. 325–352.*

Сведения об авторе: Евгений Николаевич Луняк – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя (16602, ул. Графская, 2, Нежин, Черниговская область, Украина); ORCID: 0000-0002-3469-3680. Email: lunyak@ua.fm

Поступила 01.12.2020 Принята к публикации 02.03.2021
Опубликована 29.03.2021

REFERENCES

1. Zotsenko V. Ukraïna-Rus' – Frantsiya: pershodzherela zblizheny [Ukraine-Rus' – France: source material of approaching]. *Khronika-2000*, no. 2–3: *Ukraïna-Frantsiya* [Chronicle-2000, no. 2–3: Ukraine-France]. Kyiv, 1995, pp. 42–57. (In Ukrainian)
2. Luchitskiy I.V. Russkie raby i rabstvo v Russil'one v XIV i XV vv. [Russian slaves and slavery in Roussillon in the fourteenth and fifteenth century]. *Universitetskiye izvestiya* [University's News]. Kyiv, 1886, no. 11, part 2, pp. 191–219. (In Russian)
3. Mayorov A.V. K voprosu ob istoricheskoy osnove i istochnikakh “Povesti o ubiyenii Batya” [To the question of the historical basis and sources of the “Tale of Batu’s murder”]. *Sriedneviekovaya Rus'*, no. 11: *Problemy politicheskoy istorii i istochniko-vedeniya* [Medieval Rus', no. 11: Problems of Political History and Source Study]. Moscow: “Indryk”, 2014, pp. 105–146. (In Russian)
4. Melville M. *Istoriya ordena Tampliyerov* [History of the Order of the Templars]. St. Petersburg: “Eurasia”, 2000. 416 p. (In Russian)
5. Nalivayko D. *Ochyma zakhodu: Retseptsiya Ukrayiny v Zakhidniy Yevropi XI–XVIII st.* [In the Eyes of the West: Reception of Ukraine in Western Europe from the eleventh to eighteenth century]. Kyiv: “Basics”, 1998. 578 p. (In Ukrainian)
6. Solovs'kyi I. Galit'kiy episkop Petro – stavlenik i diplomat Danila Romanovicha [Petro, bishop of Halych – one protégé and diplomat of Daniel of Halych]. *Ukrayins'kyi istorychnyi zhurnal* [Ukrainian Historical Journal]. 2013, no. 5 (512), pp. 75–87. (In Ukrainian)
7. *Puteshesviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels in the Eastern Countries of John of Plano Carpini and William of Rubruck]. Shastina N.P. (tr.). Moscow: State Publishing House of Geographical Literature, 1957. 272 p. (In Russian)
8. Solovyov S.M. *Sochineniya, Kniga II: Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Writings, Book II: History of Russia since Earliest Times]. Moscow: “Thought”, 1988, vol. 3–4. 765 p. (In Russian)
9. Hautala R. *Ot “Davida, tsarya Indiy” do “nenavistnogo plebsa satany”*. *Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 496 p. (In Russian)
10. Chronica Albrici Monachi Trium Fontium. *Monumenta Germaniae historica. Scriptorum* tomus 23: *Chronica aevi suevici*. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925. viii + 1027 p. (In Latin)
11. Decei A. L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djāmi' ot-Tevārīkh de Fāzl ol-lāh Rāšīd od-Dīn. *Revue Roumaine d'Histoire*. 1973, XII, no. 1, pp. 101–121. (In French)

12. De invasione Tartarorum fragmentum, lat. 10444 (fol. 86^v). *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum* tomus 29. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925, pp. 599–600. (In Latin)
13. Demurger A. *Les templiers: Une chevalerie chrétienne au Moyen Âge*. Paris: Éditions du Seuil, 2005. 669 p. (In French)
14. Jackson P. *The Mongols and the West: 1221–1410*. London; New York: Routledge, 2005. 448 p.
15. Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Krakow: w drukarni “Czasu” W. Kirchmayera, 1868. T. II. Ks. 11, 12. 530 + xxiii s. (In Polish)
16. Hayton. La Flor des estoires d’Orient. *Recueil des Historiens des Croisades. Documents arméniens*. Paris: Imprimerie nationale, 1906, vol. II, pp. 113–363. (In French)
17. *Liste des Maîtres de la province templière de France*. Available at: <http://www.lesfilsdelavallee.fr/index.php/fr/province-de-france> (accessed 12.08.2019); *Liste des maîtres de province de l’ordre du Temple*. Available at: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_des_ma%C3%AAtres_de_province_de_l%27ordre_du_Temple (accessed 12.08.2019). (In French)
18. Nostradamus. *Les Propheties de M. Michel Nostradamus, dont il y en a trois cens qui n’ont iamais esté imprimées*. Lyon: Pour Jean Hvgvetan, Chez Claude de la Riuiere, 1644. 177 p. (In French)
19. Rigaud B. *Discours sur l’histoire des polonais*. Lyon: Par Benoist Rigaud, 1573. 80 p. (In French)
20. Thevet A. *Cosmographie Moscovite, recueillie et publiée par le prince Augustin Galitzin*. Paris: J. Techener, Libraire, 1858. xvi + 179 p. (In French)
21. Vigenère B. de. *Les Chroniques et annales de Pologne*. Paris: J. Richer, 1573. 487 p. (In French)
22. Zimonyi I. The Mongol Campaigns against Eastern Europe. Idem. *Medieval Nomads in Eastern Europe. Collected Studies*. Spinei V. (ed.). Bucuresti; Braila, 2014, pp. 325–352.

About the author: Yevgen M. Luniak – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of history of Ukraine, Nizhyn Gogol State University (2, Hrafs’ka Str., Nizhyn 16602, Chernigivs’ka oblast’, Ukraine); ORCID: 0000-0002-3469-3680. Email: lunyak@ua.fm

*Received December 1, 2020 Accepted for publication March 2, 2021
Published March 29, 2021*